

ГРИГОРЯН А. Г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ И СЕМАНТИКИ

Современный этап развития лингвистики характеризуется последовательно проводимым системным подходом, который не только применяется внутри каждого языкового уровня, но и распространяется на межуровневые отношения. Ср. употребление таких понятий, как парадигма и синтагма, дифференциальный и интегральный признак, вариант и инвариант, позиция, оппозиция, нейтрализация, изоморфизм, деривация, функция и т. д. Единственной областью, где возможность системного изучения все еще продолжает (хотя и все реже) вызывать сомнения, остается лексика. Некоторые авторы считают, что применительно к лексике «трудно говорить о системе (по крайней мере в том смысле, как говорят о других системах в языке)» [1, с. 4], в связи с тем, что слово является «синтетической единицей речи», а не единицей языка, и когда говорят о лексике как о системе, «имеют обычно в виду отражение в лексике закономерных отношений других систем, в частности — семантической» [2]. Действительно, лексическая система сплошь и рядом отождествляется с семантической и под семантикой понимается только лексическая семантика. С возникновением и бурным развитием в последние годы таких дисциплин, как семантика синтаксиса, морфологическая и словообразовательная семантика, стало яснее осознаваться, что языковая семантика шире семантики лексической. В свою очередь, и лексические проблемы не сводятся к семантическим проблемам. Н. И. Толстой, разграничивая в словарном составе план выражения — лексикологию и план содержания — семасиологию (по аналогии с морфологией и синтаксисом, где наблюдаются оба плана), отмечает: «В последнее время развитие лексикологии дает все больше основания говорить о „чистой“ лексикологии — лексикологии, обращенной исключительно к лексемной стороне словаря. Ср. возникновение частотных словарей, обратных словарей и т. п.» [3]. Понимание слова как единицы плана выражения не так неестественно, как может показаться на первый взгляд. Оно подтверждается употреблением, ср.: *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; За словом в карман не полезет; Пасеное словцо за щекой* [4].

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо, —
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!

(А. К. Толстой. Не брани меня, мой друг...)

Как видим, о слове можно говорить безотносительно к его значению и даже в противовес ему, как в последнем примере.

Принимая тревование четкого разграничения лексики и семантики, трудно в то же время согласиться с другим положением Н. И. Толстого. Считая семасиологию планом содержания лексикологии (точнее было бы употребить здесь термины «семантика» и «лексика»), он тем самым исключает из семасиологии план содержания морфологии и синтаксиса. Между тем естественным и общеприятным является рассмотрение всего плана содержания языка в рамках единой дисциплины — семасиологии, которая

затем уже подразделяется на семасиологию лексическую и грамматическую. Грамматические значения ничуть не менее «семантические», чем лексические.

Требуемое разграничение лексики и семантики можно было бы примирить с установившимся в русской лексикологии понятием лексико-семантической системы, понимая под последней семантическую систему, соотносимую с лексическим составом языка (в противоположность грамматической семантике). Именно о семантической системе будет идти речь ниже.

Но, как уже было сказано, большинство лингвистов признает системный характер самой лексики, отмечая лишь существенные отличия лексической системы от фонологической и грамматической систем и специфические трудности ее описания. Как бы то ни было, сколько-нибудь полное системное описание словарного состава языка во многом еще остается декларацией, что признают даже убежденные сторонники такого описания (см., например, [5, с. 242]). Относительно хорошо изучены отдельные лексико-семантические группы (лексические «микрорегионы», «микросистемы») — прежде всего термины родства, цветообозначения, некоторые группы конкретной лексики; значительно хуже, несмотря на немалое количество работ, обстоит дело с обозначениями, касающимися социальных отношений и внутренней жизни человека. Эти различия в степени изученности обусловлены прежде всего неоднородностью самого объекта исследования: одни группы лексики организованы более «системно», чем другие, одни сложнее по своему составу, чем другие, и т. д.

У лингвистов до сих пор нет единства в понимании самого термина «система», особенно в применении к лексике, хотя идея системности лексики имплицитно присутствовала уже в работах А. Потебни, М. Покровского, Л. Щербы, а определение лексико-семантической системы языка в общих чертах было дано В. В. Виноградовым еще в 1953 г. (в работе [6]; см. об этом [5, с. 241]). В 50—60-е годы в лингвистике преобладало суженное и одностороннее понимание системы только как суммы оппозиций, возникшее в результате неверной интерпретации некоторых положений теории Соссюра (см. об этом [7]). Но наряду с ним существовало и теперь получает все большее распространение значительно более широкое (и потому нередко менее строгое) понимание.

В большом многообразии противоречащих друг другу или недостаточно определенных трактовок понятия системы в языке можно выделить некоторые общие черты, характерные для большинства теорий. Это прежде всего использование понятия связи (отношения) между элементами системы с дальнейшим уточнением типов связей и требование исходить из системы при определении ее элементов, а не наоборот. Рассмотрим последнее требование в применении к лексике. Производность слова от целого, в которое оно входит, известна с давних времен (с ней связан нередкий отказ от слова как лингвистической единицы) [1, с. 4]. О ней писали Ф. Соссюр, Э. Сепир, Е. Курилович, В. В. Виноградов и др. [8, с. 146; 9; 10; 11, с. 10—16]. Следует, однако, заметить, что, как ни часто выдвигается требование идти «от целого к части», еще чаще оно нарушается в конкретных исследованиях: морфемы «строятся» из фонем, слова — из морфем, предложения — из слов и т. д. Пожалуй, словосочетание является единственным случаем, где такое направление оправданно¹. Укоренившийся в языкознании «обратный порядок», конечно, не просто ошибка, он имеет под собой глубокие основания, о чем говорит уже то, что такой же «перевернутый» взгляд отмечается и в других, более широких сферах (ср. проблемы взаимоотношения языка и мышления — производность мысли от слова, внутренней речи от внешней; взаимоотношения языка и действительности и др.).

Системный подход при своем возникновении отталкивался от более раннего так называемого атомарного подхода, видящего в слове лишь единство обозначаемого и означающего. «Единство обозначаемого и обо-

Ср., впрочем, противоположное мнение [12, 13].

значающего подчеркивается значительно чаще, чем неизбежность включения знака в более сложные системы. А между тем это первое свойство представляется лишь проявлением второго» ([14]; ср. также [8, с. 146]). Порой, однако, системный подход абсолютизируется и первое свойство фактически игнорируется из соображений «строгой системности». Отсюда естественным образом следует вывод, что «в языке имеются только различия без положительных членов системы» [8, с. 152]. Правда, сам Соссюр оговаривается, что это утверждение «верно лишь в отношении означаемого и означающего, взятых в отдельности; как только мы начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным» [8, с. 153], но многие его последователи этого не делают.

Из неразличения атомарного и системного подходов проистекают споры о том, «представляет ли собой лексическое значение некую субстанцию или некое отношение»² [5, с. 236]. По-видимому, значение слова определяется как его семантическим окружением, так и взаимоотношениями с планом выражения, и, следовательно, системное изучение значений должно сочетаться с «субстанциальным» изучением, а не противопоставляться ему.

«Субстанциальный» характер значения усугубляется его взаимоотношениями с внеязыковой действительностью, изучение которых также должно дополнять системное исследование семантики. В самом деле, языковое «членение» внеязыковой действительности хотя и связано тесным образом с внутриязыковыми системными отношениями, но не сводится исключительно к ним. Тот факт, что разные языки по-разному «членят» мир, еще не говорит о полной произвольности такого членения и независимости его от реальных отношений. Выделение Соссюром в плане содержания значений и значимостей отражает эту двойную — внеязыковую и системную — обусловленность семантики.

Таким образом, значения слов (вообще план содержания языка) определяются связями тройного рода: 1) связи с внеязыковой действительностью (референтная отнесенность), 2) связи с планом выражения (формальная мотивированность, внутренняя форма), 3) связи с другими значениями (собственно системные связи). Как видим, системному исследованию значений при таком понимании принадлежит довольно скромное место в общей семасиологии.

Ограниченность системного подхода становится особенно очевидной, когда речь заходит о соотношении синхронии и диахронии в языке. Очень часто, явно или неявно, систему понимают в чисто синхроническом плане, т. е. предполагают некую одновременность составляющих ее элементов и их соотношений³. Вместе с тем очевидно, что эта одновременность не может быть сведена к одной точке на временной оси — она всегда имеет большую или меньшую длительность. «Строгий принцип единого среза, одномоментности в синхронии никогда не выдерживался да и не мог быть выдержан, чем объясняется вынужденная необходимость условно принимать за синхронное состояние отрезок времени некоторой протяженности, с чем неизбежно связано упрощение действительности» [16, с. 3]. Ввиду этого перспективность и самая возможность чисто синхронического исследования неоднократно ставились под сомнение в лингвистической литературе. Справедливо указывалось, что в каждом временном срезе имеются элементы, правильное осмысление которых неизбежно выводит за пределы этого среза. «Любое полное „синхроническое“ описание языка не может обойтись без понятий архаизма и инновации. Вытеснение старой формы новой формой — это не моментальное событие, а процесс, протекающий во времени и пространстве. Рассматриваемый с исторической точки зрения языковой материал, сколь бы он ни был ограничен в пространстве и времени, состоит из разных хронологических слоев» [17]. Близкие идеи настойчиво проводит в своих работах О. Н. Трубачев (см. [16, 18, 19]).

Все сказанное можно отнести и к системному подходу, подтверждая

² Обзор различных точек зрения по этому вопросу см. в [15].

³ Ср., например: «Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности» [8, с. 120].

тем самым его относительный и ограниченный характер. В каждом языковом состоянии обнаруживается не одна система, а несколько сосуществующих систем, в том числе обломки старых и зачатки новых (именно борьба между ними является определяющим фактором языкового развития). Ср., например, системы современного русского склонения и спряжения — наличие в них нескольких разновидностей и многочисленных отклонений и исключений, которые, как правило, являются реликтами древних систем. Еще большее разнообразие представлено в лексико-семантической системе. Приведем лишь один пример. Для современных носителей русского языка слово *перед* и производные ассоциируются в темпоральном плане прежде всего с будущим временем (ср. *впередь, впереди* «в будущем»; соответственно *позади* — «в прошлом»). Но наряду с этим продолжают существовать и сохраняют свою актуальность более древние представления, связывающие *перед* с прошедшим временем (ср. *прежде, предок, перед чем* «до чего»). Соответственно *задний* значило «будущий, последующий, последний, поздний», ср. выражение *Задним умом крепок* (т. е. думает после того как сделает), др.-русск. *задъница* «наследство» и т. п. Вспомним известное место из Слова о полку Игореве: «преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подълим», — где *преднюю* переводится как «прошлую, прежнюю», а *заднюю* — как «будущую». В «Материалах...» И. И. Срезневского у прилагательного *задънии* выделяются именно эти два противоположных значения — «будущий» и «прежний» (т. I, стлб. 910; заметим, однако, что *заднюю славу* из приведенной цитаты Срезневский толкует как «прежнюю»). Ясно, что здесь мы имеем дело не просто с двумя разными значениями одного и того же слова, но с двумя разными точками зрения, представляющими две разные семантические системы (ср. [20]). То, что эти системы взаимодействуют друг с другом и что это взаимодействие может также носить системный характер, видимо, не подлежит сомнению. Но делать из бесспорного тезиса о том, что «в языке все взаимосвязано», вывод, будто существует некая всеобъемлющая система языка, охватывающая как его современное состояние, так и историю, — значит придавать термину «система» настолько широкое и трудноопределимое значение, что вряд ли им можно успешно оперировать.

Важное значение в связи с рассматриваемыми вопросами имеют проблемы семантической реконструкции, поскольку «углубленное понимание современного значения слова есть тем самым его реконструкция. Какие-то стороны значения слова активны, какие-то, наоборот, пассивны, латентны, приглушены, но они есть и могут проявляться при употреблении слова» [16, с. 3—4]. Плодотворная идея о своеобразной этимологической памяти слова высказывалась и раньше⁴. Она перекликается с высказанными еще в 20-х годах мыслями М. М. Бахтина о существовании памяти жанра и с его же поздними теоретическими записями. Ср.: «В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [23, с. 373]. Эти скрытые стороны значения выделяются и исследователями современного состояния языка. Их называют по-разному: несущественными, ассоциативными (Д. Н. Шмелев), коннотативными (В. Н. Телия), потенциальными (В. Г. Гак) признаками в противоположность существенным — дифференциальным и интегральным — признакам (см. [24, с. 8; 25]). В. И. Абаев называет их идеосемантикой в отличие от технической семантики, определяющей современное коммуникативное использование слова.

Семантическая реконструкция именно потому и возможна, что эти

⁴ См., кроме упоминавшихся работ О. Н. Трубачева, статью В. И. Абаева [21] Еще в прошлом веке Потебня писал о «памяти внутренней формы» [22]. Ср. у В. В. Виноградова: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [11, с. 17].

скрытые стороны значения существуют и могут проявляться в современном употреблении. В то же время специфика семантических категорий, их большая сложность по сравнению с формальными элементами, практически необозримое количество, включенность в экстралингвистическую «субстанцию» (Бенвенист) и т. д. являются причиной того, что реконструкция значений отстает от реконструкции форм. О специфических трудностях семантической реконструкции писали А. Мейе, Э. Бенвенист, Н. И. Толстой, О. Н. Трубачев и другие. Одна из принципиальных трудностей состоит в том, что результатом семантической реконструкции оказываются абстрактные единицы. «При сопоставлении слов различных языков приходится рассматривать, что в них есть общего, и потому устранять смысловые оттенки, развившиеся в каждом отдельном языке: после этого остается одна абстракция, которая дает средство для оправдания сопоставления, но не для установления первоначального значения слова» [26; ср. еще 27—29]. Между тем наблюдения над засвидетельствованной историей всех языков показывают, что основное направление семантического развития слов — от конкретности к абстрактности (хотя возможно, разумеется, и обратное направление — ср., например, историю русских слов *жажда*, *прилепиться*, *вещь*, *орудие*; возможно и перекрещивание обоих направлений, как в истории слова *верста*⁵). «Все заставляет думать, — писал А. А. Потебня, — что и в языке, как и вообще, за исходящую точку мысли следует признавать чувственные восприятия и их комплексы, стало быть, нечто весьма конкретное сравнительно с отвлеченностью общего качества» [31, с. 34]. Ошибочное мнение об абстрактности значения «первобытного слова» Потебня объяснял смешением понятий значения слова и заключенного в нем представления и заменой первого вторым [31].

И. А. Бодуэн де Куртене указывал на два направления «при развитии и изменении значения корней: 1) от неопределенности к определенности содержания, 2) от конкретности к абстрактности» [32]. Следует иметь в виду, что первое из этих направлений не является обратным второму, а представляет процесс специализации, «расчленения» первоначально синкретичных значений. Это подтверждается другим высказыванием Бодуэна де Куртене: «В качестве примера относящихся сюда (к семасиологии. — Г. А.) проблем могу назвать постоянно повторяющийся процесс все большего осмысления значения слов, процесс перехода от конкретности к абстрактности» [33]. Таким образом, синкретичность (нерасчлененность, диффузность) значений не только не тождественна их абстрактности, но и в некотором смысле противоположна ей. Синкретичность сближает с конкретностью то, что оба эти свойства часто относятся к ранним этапам семантической истории слов. Но было бы неверно говорить о синкретизме (как и о конкретности) только по отношению к древним значениям, вопреки распространенному мнению. Оно объясняется тем, что синкретизм — понятие относительное, и о нем можно говорить лишь с некоторой внешней (обычно поздней) точки зрения. Так, можно усматривать неразличение значений «мыть» и «стирать» в англ. *to wash*, нем. *waschen* с точки зрения русского языка, где этим значениям соответствуют отдельные слова. Е. Курилович подчеркивает, что английский и немецкий глаголы однозначны [34]. Впрочем, в более строгом смысле о синкретизме следовало бы говорить только при сопоставлении разновременных фактов о д н о г о и т о г о ж е языка и только в тех случаях, когда само развитие языка привело к различению прежде не различавшихся значений.

Таким образом, современные значения ничуть не менее синкретичны, чем древние значения⁶, а последние ничуть не менее «расчленены», чем первые. Разница лишь в том, что мы можем смотреть на древние слова с более поздней точки зрения. Абсолютной синкретичности или абсолютной «расчлененности» нет, так же как «нет ни первого, ни последнего слова» [23, с. 373]⁷.

⁵ Примеры заимствованы из книги Д. Н. Шмелева [30, с. 107—111].

⁶ См. об этом [19, с. 168].

⁷ Ср. замечание Потебни о том, что в языке первобытного человека, как и у ребенка, «начало ряда слов не было словом» [31, с. 23].

Реконструкция предполагает существование процесса, в некотором смысле обратного ей, идущего в противоположном направлении, — процесса деривации (с тем очевидным отличием, что реконструкция — исследовательская процедура, а деривация — реальный языковой процесс). В последние годы широкое распространение получил термин «семантическая деривация», который, однако, употребляется неоднозначно. Определение понятия семантической деривации тесно связано с трактовкой тезиса о единстве формы и содержания в языке⁸. В самом широком, общезыковом (точнее, семиотическом) плане взаимозависимость между формой и содержанием представляется абсолютной: всякому, даже малейшему изменению формы соответствует параллельное изменение содержания. С этой точки зрения различаются своим лексическим значением, т. е. являются разными словами, не только члены словоизменительных парадигм (например, падежные формы — *верста, версты, версте...* [31, с. 15]), но и фонетические варианты слов. «...В языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены», — писал В. В. Виноградов, ссылаясь на Гумбольдта [11, с. 16]. Это особенно характерно для поэтического языка. Точно так же малейшее изменение в семантике слова, даже если оно не влияет на его фонетический облик, отражается на сочетаемости и на других формальных характеристиках слова.

В применении к лексике единство формы и содержания обычно понимается в более «слабом» смысле. В общем случае признается существование параллелизма (симметрии) между этими двумя планами, но допускается и возможность различных отклонений. Здесь можно указать следующие варианты:

1) изменяется и форма, и содержание. Сюда относятся обычное (регулярное) словообразование, дестимологизация, т. е. параллельная утрата формальной и семантической членимости, и т. д.;

2) изменяется форма при неизменном содержании. Ср. словоизменение и различные фонетические процессы, не затрагивающие семантики слова;

3) изменяется содержание при неизменной форме. Ср. различного рода переносы значений, в результате которых возникает полисемия.

Интересующий нас термин «семантическая деривация» употребляется в следующих значениях: а) любое изменение содержания безотносительно к изменению формы; б) семантический процесс (отношение), параллельный процессу (отношению) формальной деривации⁹ — 1-й случай из приведенных выше; в) изменение содержания при неизменности формы¹⁰ — 3-й случай.

Несколько особняком стоит понятие лексической (коррелят — синтаксическая) деривации, представленное в работах Е. Куриловича и его последователей [39—41], которые подразумевают под ней изменение лексического значения при неизменности первичной синтаксической функции (т. е. принадлежности к той или иной части речи), например, *дом — домик*. Как видим, и здесь значимым оказывается соотношение формы и содержания, но они понимаются в грамматическом, «частеречном» плане.

Для решения задач исторической и современной семаснологии наиболее перспективным представляется широкое понимание семантической деривации (см. пункт «а»), именно в силу его широты и общности. Другие точки зрения можно рассматривать как частные случаи этой первой точки зрения, которая близка к ономаσιологической.

С рассматриваемым кругом языковых явлений (форма, содержание, деривация и т. д.) непосредственно связаны понятие внутренней формы и проблема производности (мотивированности) языкового знака. Основоположники учения о внутренней форме (Гумбольдт, Штейнталь, Потенция) сосредоточивали свои усилия на разработке двух основных вопросов:

⁸ О возможности диаметрально противоположных выводов из этого положения см. [30, с. 81 и сл.].

⁹ Такое понимание характерно, например, для этимологии. Ср. также [30, с. 225—228; 35].

¹⁰ См., например, [36—38; 24, с. 175 и сл.].

1) о происхождении и онтологической сущности слова (и языка в целом), 2) о различии человеческих языков, обусловленном их внутренней формой (ср. название труда Гумбольдта). И вплоть до настоящего времени во внутренней форме видят прежде всего фактор, обуславливающий различия языков. Между тем едва ли не более важное значение имеют «объединительные» функции внутренней формы, позволяющие выявлять и описывать общность формальной и семантической структуры слов и выражений сначала в одном и том же, а затем и в разных языках (ср. [42]). Так, очевидным образом уязвляются друг с другом внутренние формы следующих выражений: *пришло (взбрело, стукнуло, ударило) в голову — втемяшилось — брать в голову — держать в голове (в уме, в памяти) — выкинуть из головы — вбивать (вколачивать) в голову — столкновать* и т. д. Ср. другой ряд: *выйти из себя — быть вне себя — быть не в себе — быть не в своем уме (рассудке) — иступление — изумление — быть не в духе — душа не на месте у кого — не все дома у кого — прийти в себя* и т. п. Язык пронизан густой сетью связей такого рода (они обнаруживаются не только в лексике и фразеологии, но и в грамматике — см. [43]), и важной задачей является вскрытие этих связей и восстановление на их основе некоей целостной картины мира, которая, по-видимому, существует и не так противоречива, как может показаться на первый взгляд. А. А. Потебня одним из первых наряду с теоретическим осмыслением этих связей дал их практическую разработку на обширнейшем славянском материале. Сходная работа, но на материале классических языков и не с таким размахом проделана М. М. Покровским. Но то, что сделано, составляет лишь небольшую часть того, что еще предстоит сделать.

Некоторые авторы считают учение о внутренней форме разновидностью этимологического исследования [44, 45], так называемой «ближней этимологией» [46]. Но если учесть, что 1) этимология в первую очередь занимается словами с затемненной внутренней формой, лишь эпизодически обращаясь к более «прозрачным» образованиям типа *постылый, приличный, завидовать, позор, омерзение* (хотя семантическая история последних требует иногда довольно подробных комментариев), и что 2) учение о внутренней форме традиционно занимается такими общими вопросами, как соотношение формы и содержания, языка и мышления и т. д., — то окажется, что и по объекту изучения, и по проблематике учение о внутренней форме шире этимологии. Суженный взгляд на учение о внутренней форме основан на мнении, что не все слова имеют внутреннюю форму. Однако, говоря так, подразумевают только «прозрачную» внутреннюю форму, отражающую живые словообразовательные связи. С исторической же точки зрения все слова при своем возникновении имеют внутреннюю форму, которая «составляет непремennую стихию в о з н и к а ю щ е г о слова» [31, с. 19]. Исключение можно было бы сделать лишь для «первых» слов, если бы они существовали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Топоров В. Н.* О правомерности сравнительной лексикологии. — В кн.: Тез. докл. на VII пленарном заседании комиссии, посвященном проблемам сравнительно-исторической лексикологии. Июнь 1961 г. М., 1961.
2. *Топоров В. Н.* К вопросу о возможности построения структурной лексикологии. — В кн.: Тез. докл. междуязычной конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. 21—25 ноября 1961 г. М., 1961, с. 34.
3. *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — В кн.: Славянское языковедение. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 399.
4. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля. М., 1957, с. 417, 411.
5. *Уфимцева А. А.* Лексикология. — В кн.: Теоретические проблемы советского языковедения. М., 1968.
6. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — ИАН ОЛЯ, 1953, № 3.
7. *Маковский М. М.* Теория лексической аттракции. М., 1971, с. 11.
8. *Соссюр Ф. де.* Труды по языковедению. М., 1977.
9. *Сепир Э.* Язык. М. — Л., 1934, с. 86.

10. *Курилович Е.* Лингвистика и теория знака.— В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике, М., 1962, с. 15, 18.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
12. *Кацнельсон С. Д.* Краткий очерк языкознания. Л., 1941, с. 34.
13. *Копыленко М. М., Попова З. Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978, с. 8.
14. *Лотман Ю. М.* О проблеме значений во вторичных моделирующих системах.— В кн.: Труды по знаковым системам. Вып. 2. Тарту, 1965, с. 22.
15. *Апресян Ю. Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1963. М., 1963.
16. *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений.— ВЯ, 1980, № 3.
17. *Курилович Е.* О методах внутренней реконструкции.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965, с. 401.
18. *Трубачев О. Н.* Лексикография и этимология.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
19. *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
20. *Лотман Ю. М.* Звонячи в пращднюю славу.— В кн.: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 28. Тарту, 1977, с. 98—100.
21. *Абаев В. И.* Понятие идеосемантики.— В кн.: Язык и мышление. М.— Л., 1948, с. 19, 28.
22. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Одесса, 1922, с. 168—169.
23. *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук.— В кн.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
24. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
25. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова. М., 1981, с. 65—66.
26. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.— Л., 1938, с. 385.
27. *Петерсон М. Н.* О составлении этимологического словаря русского языка.— ВЯ, 1952, № 5, с. 73.
28. *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1976, с. 207.
29. *Голстой Н. И.* О реконструкции праславянской фразеологии.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 272—273.
30. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
31. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
32. *Бодуэн де Куртене И. А.* Подробная программа лекций в 1876—1877 учебном году.— *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963, с. 100.
33. *Бодуэн де Куртене И. А.* О задачах языкознания.— *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963, с. 214.
34. *Курилович Е.* Заметки о значении слова.— В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 240—241.
35. *Шелихова Н. Т.* Семантическая деривация в восточнославянских языках.— В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков.— М., 1971, с. 319—325.
36. *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1916, с. 80.
37. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965, с. 59—61, 108.
38. *Мельников Г. П.* Скрытая смысловая деривация с позиции системной лингвистики. В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.
39. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 61—63.
40. *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979, с. 33—74.
41. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 145—158.
42. *Бенвенист Э.* Природа языкового знака.— В кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 92.
43. *Серебренников Б. А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 64.
44. *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1958, с. 66—67.
45. *Варина В. Г.* Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
46. *Шанский Н. М.* Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера.— ВЯ, 1959, № 5, с. 37.